

© 2006 г.

И. В. Тункина

СОКРОВИЩА ЛИТОГО КУРГАНА И АКАДЕМИК Г.Ф. МИЛЛЕР¹

Среди памятников скифской архаики Северного Причерноморья особое место занимает так называемый Мельгуновский клад, датируемый одними исследователями серединой – третьей четвертью (шире – второй половиной) VII в., другими – рубежом VII–VI вв. до н.э. погребальный комплекс из Литого кургана в 30 верстах от крепости Святой Елизаветы (ныне Кировоград, Украина)². Он был раскопан в сентябре 1763 г. по распоряжению генерал-поручика А.П. Мельгунова и включал вещи раннескифского времени с золотыми и серебряными изделиями, имеющие непреходящее научное значение. Находки были доставлены в Петербург либо самим А.П. Мельгуновым³, либо – по его поручению – полковником и комендантом крепости Св. Елизаветы Андреем Ирманом и представлены Екатерине II⁴. Именным указом императрицы они были переданы в Академию наук и впервые описаны Г.Ф. Миллером, в те годы конференц-секретарем Петербургской Академии наук (1754–1765)⁵.

«Ее Императорское Величество, – писал Миллер, – по неизреченному своему в науках любопытству, соизволила указать оные вещи сообщить мне, с таким повелением, чтобы я сочинил об оных, а паче о народах, коим оные вещи приписуемы быть могут, и

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 03-06-80074 и 06-06-80283. Автор выражает благодарность А.Ю. Алексееву, И.В. Бруяко, А.И. Иванчику и В.А. Киселю, ознакомившимся с рукописью статьи и высказавшим ряд ценных замечаний по тексту.

² Первую точку зрения см. *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э. Историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 52, 96; *он же.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. С. 295; *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы: культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. С. 282. Прим. 1. Традиционна, но фактически устарела вторая датировка (*Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага–Ленинград, 1966. С. 18, 91; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 104; *Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 19–20; *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1989. С. 54).*

³ Об этом пишет сам Г.Ф. Миллер: «Когда... копали, то нашли... место, в коем находились украшения, оружие и разные вещи, кои Его Превосходительство господин генерал Мельгунов сюда привез, и кои здесь описаны быть имеют» (см. *Миллер Г.Ф.*) Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764. Декабрь. С. 502–503; ср. *он же.* Описания моих служб // *Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899. С. 144).

⁴ Об этом свидетельствует документ из архива крепости Св. Елизаветы, согласно которому А.П. Мельгунов предписал «объявленные вещи приняв, отдать к отвозу в Петербург для представления к Ее Императорскому Величеству полковнику и коменданту Ирману...» (см. *Тункина И.В.* Первый исследователь скифских курганов: к биографии А.П. Мельгунова (1722–1788) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998. С. 21).

⁵ [*Миллер.*] Изъяснение о некоторых древностях... С. 483–515 (немецкий перевод: [*Müller G.F.*] Von den alten Graebem in Sibirien und Neurusland // *St. Petersburgisches Journal.* 1779. Bd 8. Julius. S. 3–29).

о состоянии мест и могил, из коих вырываются бывают... некоторые изъяснения». Эти «изъяснения» императрица благосклонно приняла, «а мне объявлено было высочайшее позволение оные в пользу любителей истории в печать издать [...]. Хотя во оном [исследовании. – И.Т.] я ссылаюся на рисунки, однако оные здесь приобщены быть не могут. Самые вещи по Ея Императорского Величества указу внесены в Императорскую Кунсткамеру»⁶.

Отнюдь не случайно, что Екатерина II поручила описание именно Г.Ф. Миллеру – в годы участия в работе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) он обращал пристальное внимание на сбор древностей для Кунсткамеры и фиксацию археологических объектов Сибири, хотя сам и «не был так счастлив, чтоб найти такие редкости в старинных могилах»⁷.

Видимо, уже в Петербурге для представления клада императрице А.П. Мельгунов распорядился очистить и «реставрировать» ряд находок из Литого кургана. Так, фрагменты золотой обкладки ножен меча были закреплены на дереве. В таком виде они и попали к Миллеру, но «реконструкция» Мельгунова, как и основанная на ней интерпретация функционального назначения древностей и изображений на них, предложенная Миллером, иногда оказывалась ошибочной. На это впервые обратил внимание первый издатель Мельгуновского клада, старший хранитель Отделения древностей Эрмитажа Евгений Мартынович Придик (1865–1935).

Несколько слов об инициаторе раскопок Литого кургана. Генерал-поручик Алексей Петрович Мельгунов (1722–1788), приближенный Петра III, после дворцового переворота 1762 г. был единственным из фаворитов мужа Екатерины II, кто оказался на несколько дней арестован. Указом от 24 июля 1762 г. он был назначен в украинскую армию, что фактически означало ссылку. Но уже через два года, в начале 1764 г. императрица утвердила выработанный Мельгуновым обширный план заселения и устройства Новой Сербии, причем автор проекта был назначен генерал-губернатором обширных южных земель, получивших название «Новороссийская губерния», и управлял ими вплоть до 1774 г. Императрица, оценив по достоинству способности А.П. Мельгунова, сменила гнев на милость и отозвала его в Петербург. Новому взлету его карьеры способствовало сближение с фаворитами Екатерины II, в частности с Г.А. Потемкиным. В 1765 г. Мельгунов был назначен в Комиссию о государственном межевании, сенатором по Московскому департаменту, президентом Камер-коллегии (1765–1777), членом Комиссии по составлению проекта нового уложения (1767), затем директором казенных винокуренных заводов. Судя по всему, в 1770-х годах А.П. Мельгунов оказался настроен более либерально и потому оппозиционно к проводимой Екатериной II смене курса во внутренней политике, к отходу от задуманных реформ. Это немедленно сказалось на его дальнейшей карьере – в 1777 г. Алексей Петрович был навсегда удален из столицы, получив назначение на должность наместника Ярославского и Вологодского (в следующем году он открыл Костромское наместничество, в 1779 г. – Архангелогородское). В истории XVIII в. А.П. Мельгунов остался как видный государственный деятель, крупный администратор и меценат⁸.

Вероятно, Литой курган не был единственным памятником, привлечшим внимание А.П. Мельгунова, так как в лесостепи на западном берегу Днепра находилось множество курганов без каменной крепи высотой от 2,5 до 5 сажень (5,3–10,6 м), диаметром у подошвы от 10 до 15 сажень и более (21,3–32 м), окруженностью до 15 сажень (32 м) и более. А.П. Мельгунов избрал по виду «знатнейший», расположенный в верховьях рек Большой и Малый Ингулец в урочище Кучеровы Бусраки, и 3 сентября 1763 г. приказал раскопать его до основания, т.е. на снос, причем ниже погребенной почвы.

⁶ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 483–484.

⁷ Там же. С. 485.

⁸ О А.П. Мельгунове см. *Тункина И.В.* Первый исследователь скифских курганов: к биографии А.П. Мельгунова (1722–1788) // *Очерки истории отечественной археологии.* Вып. 2. М., 1998. С. 12–26; *Тищенко А.В.* Алексей Петрович Мельгунов // *А.В. Тищенко. Его работы.* Статьи о нем. Пг., 1916. С. 43–49.

Здесь был найден клад – «золотая цепочка и прочие золотые отломки весом один фунт сорок семь золотников, голубков позолоченных семнадцать весом шестьдесят четыре золотника, серебра ржавчинной разных вещей три фунта двенадцать золотников с трех медных копьецов сорок, ручка от кинжала с ржавчиной и копьем изредка золота одна»⁹.

Г.Ф. Миллер писал о Мельгунове как о человеке, свободном от предрассудков и суеверий местных жителей, «наполненном благородным духом любопытства, любителе наук, коему небезызвестно, какая польза от рассматривания могил произойти может»¹⁰. Согласно Миллеру, инициатива проведения раскопок принадлежала самому Мельгунову: он дал рабочим предписание с *правилами раскопок* и обещанием награды в случае успеха, что удержало их от утаивания находок, и имел «рачительное смотрение» за их ходом¹¹. Действительно, в делах гарнизонной канцелярии крепости Св. Елизаветы сохранились документы о награждении рабочих, участвовавших в раскопках Литого кургана, 70 рублями из «новосербской суммы»¹².

Согласно документам¹³, раскопки проводились рабочими под руководством купцов Алексея Батракова и Семена Васильева под контролем генерал-майора Исакова. Возле вершины после снятия 2 футов (60 см) чернозема была найдена антропоморфная песчаная женская статуя или стела с отбитой головой, возможно скифская (средневековые кочевнические стелы в этом районе неизвестны)¹⁴. К западу от центра кургана, на глубине около 6 и более футов (свыше 2 м от поверхности насыпи), согласно Миллеру был обнаружен каменный ящик («плитами обкладенное и покрытое место»), что, однако, не подтверждает рапорт Мельгунова. В последнем лежали «одна подле другой» (у Мельгунова – «в окружности одно от другога вблизи») следующие вещи, вошедшие в литературу под названием «Мельгуновский клад».

1. Железный двулезвийный меч-акинак, от которого сохранились лишь крупные части обложенной золотом рукоятки, в парадных ножнах с золотой чеканной обивкой (сохранилась частично), украшенный переднеазиатскими и скифскими мотивами в зверином стиле. Г.Ф. Миллер описал их как «черен от кинжала, какие еще и ныне у персиян в употреблении» и «ножны от помянутого кинжала»¹⁵ (в описи А.П. Мельгунова – «ефес железной перержавелой на котором местами золотое; ножны к кинжалу золотые переломаны в трех штуках»).

Клинок меча полностью утрачен. Это акинак с прямым брусковидным навершием и сердцевидным (бабочковидным) перекрестьем. Сохранилась рукоятка с овальной головкой, покрытой стилизованным растительным орнаментом в виде чередующихся цветков и бутонов лотоса и нитями из золотой зерни. Ее ствол орнаментирован стилизованными веточками и «деревом жизни» и заканчивается плохо сохранившимся перекрестьем, которое украшено двумя прочеканенными выразительными фигурами лежащих козлов, обращенных туловищами друг к другу. Миллер приписал лезвию ряд найденных железных кусков и железное кольцо, которое, как он предположил, служило «к укреплению лезвия»¹⁶.

Гораздо лучше сохранились покрытые золотой обкладкой парадные ножны акинака (длина 43.9 см). На верхнем сердцевидном устье ножен изображены два идущих крыла-

⁹ ИР ЦНБ НАНУ. V, 264. Л. 103–103об. (писарская копия XIX в.).

¹⁰ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 498.

¹¹ Там же. С. 499.

¹² Тункина. Первый исследователь... С. 21–22.

¹³ Материалы для местной истории. Публ. М. Муравьева // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 601–602; Спицын А.А. Мельгуновский курган // Записки Русского археологического общества. Новая серия. Вып. 1–2. 1901. Т. 12. С. 270–272; Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 года // Материалы по археологии России. 1911. № 31. С. 1, 3. Основные документы, сохранившиеся в ИР ЦНБ НАНУ и РГАДА, по архивным подлинникам переизданы в статье: Тункина. Первый исследователь... С. 21–23.

¹⁴ Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986. С. 67.

¹⁵ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 505–506.

¹⁶ Там же. С. 509.

тых гения с булавами в руках по сторонам «древа жизни». Миллер описал их так: «Два крылатых мужа, держа в руках кадилъницы, или сему подобное. Пред каждым стоит дерево, и промеж ими подсвешник о 5 свечах. Позади каждого роза. Сие есть токмо половина... А другой половины не найдено»¹⁷.

На овальной бутероли ножен изображены два льва, стоящие в геральдической позе. Миллер ошибочно атрибутировал их как «сидячих медведей».

К верхней части ножен крепится боковой выступ с круглым отверстием, с помощью которого меч подвешивался к поясу, на нем изображен лежащий олень. Эту «двойную бляху, гвоздями склепанную» Миллер посчитал украшением одежды или конского убора¹⁸. На самих ножнах изображены шествующие фантастические существа (из частей тел человека, льва, быка, барана, хищной птицы, скорпиона и рыбы). Сохранилось шесть из восьми фигур, держащих натянутые луки со стрелами¹⁹. Миллер полагал, что «фигуры на ножнах изображенные суть смесь греческих басен и прикрасы мастера. Они схожи на центавров, но много разнятся от оных разными приданиями». Историк описал шествие чудовищ как существ, имеющих человеческие головы, ослиные уши, лошадиные и ослиные головы, «ноги то с копытами, то с когтями, и то попеременно, хвосты двоякого виду, как видно из рисунка. Особливо притом примечается, что у каждого центавра на боку большая рыба везде одинакового вида»²⁰.

В ряде исследований о декоре мельгуновского меча и близкого ему акинака из Келермесского кургана доказано, что многие мотивы их оформления близки стилистике художественной школы эпохи урартского царя Русы II (695/685 – около 650 г. до н.э.), и высказано предположение о происхождении мастеров, изготовивших оба акинака, из Урарту. При этом ряд отступлений от жестких правил урартского искусства объясняется ориентацией мастеров на скифского заказчика. Это служит доказательством датировки комплекса Литого кургана не позже чем серединой – третьей четвертью VII в. до н.э.²¹

2. Золотая диадема, являвшаяся украшением головного убора (в описи – «цепочка золотая одна»), датируемая VIII–VII вв., урартского или сирийского происхождения. Она состоит из трех плетеных шнуров, выполненных из золотой проволоки, которые пропущены через девять украшенных зернью розеток из золотого листа (шесть – девятилепестковых, центральная – десятилепестковая с сардониксом, две – звездообразные). Шнуры заканчиваются с двух сторон замками, украшенными геометрическим орнаментом из зерни, к которым крепятся цепочки с подвесками в виде полумесяца и девятью полыми шариками с зернью²². Миллер посчитал ее шейной цепочкой и пришел в восторг от качества работы; она состояла «из трех рядов искусно вместе сплетенных колечков, так тонко и чисто сделанных, будто то была работа наших времен». «На каждом конце цепочки, как то в рисунке показано, – пишет Миллер, – висели 6 шариков, но когда я сии вещи получил, то на каждой стороне висело токмо по 3 шарика, а три лежали особливо, кои я к их месту дал прикрепить, прочие три прибавил в рисунке живописец по сходству»²³. Эти попытки реконструкции были отвергнуты Е.М. Придиком, который считал, что шариков первоначально было 16.

3. Обломок золотой ленты или пластинки с загнутыми краями и дырочками с изображениями сидящей обезьяны, почесывающей спину, и птиц – двух клюющих (журавли или страусы?) и одной (гусь или утка?) идущей. Пластина до реставрации состояла из че-

¹⁷ Там же. С. 507.

¹⁸ Там же. С. 507.

¹⁹ Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003. С. 124. № 4.

²⁰ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 506.

²¹ См. Meidendenningen C. La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermès et de Melgounov // *Iranica Antiqua*. Leiden, 1997. Vol. 32. P. 109–136; *Иванчик*. Ук. соч. С. 282. Прим. 1. Ср. Кисель. Шедевры ювелиров... С. 10, 29–30.

²² Кисель. Шедевры ювелиров... С. 50–52, 128. № 18.

²³ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 503–504.

тырех фрагментов. На взгляд В.А. Киселя, она выполнена «в каком-то центре, одинаково доступном влияниям художественных направлений Ассирии и Ионии» и скорее всего относится к середине = второй половине VII в.²⁴ Миллер принял ее за часть золотой обкладки ножен и атрибутировал птиц как журавлей²⁵. Возможно, пластина украшала головной убор или ремень.

4. 17 массивных золотых блях (в описи А.П. Мельгунова – «золотых голубков семнадцать»). Выполненные в традициях скифского звериного стиля, бляхи представляют летящую хищную птицу (орла) с распростертыми крыльями «без ног», большая часть из них имеет четыре ушка для крепления. Эти бляхи, на взгляд Миллера, были украшением конского убора²⁶. Согласно М.И. Артамонову, бляхи скорее всего являются деталями от парадного пояса, а по мнению В.А. Киселя, – украшением горита (колчана). Их внешний абрис представляет почти правильную окружность, образуемую схематично проработанным туловищем с рельефным ребром в центре, контуром крыльев и хвоста, за пределы которой выходит лишь тщательно проработанная голова птицы²⁷.

5. Серебряные детали мебели с золотой обкладкой, вероятно, части от урартской дворцовой скамеечки для ног, входившей в комплект к трону, первой половины – середины VII в. до н.э. По реконструкции В.А. Киселя, это деревянная скамеечка высотой 25–30 см с четырьмя ножками, четырьмя проножками, двумя царгами и крышкой, вероятно, покрытой кожей, которая укреплялась гвоздями²⁸. Сохранились лишь наконечники ножек – это полый внутриусеченный серебряный конус, украшенный рельефными лепестками и поясами валиков с золотой фольгой, снизу закрытый горизонтальной пластинкой. Г.Ф. Миллер принял их за «подсвечники, ибо другого употребления сих вещей едва ли изъяснить можно» и велел нарисовать «в разном положении». К тому же предмету относятся проножки и детали ножек – полые цилиндры из серебряного листа – с двумя полосами из гладких и рифленых валиков, покрытых позолотой²⁹; круглые серебряные цилиндрики с отогнутым наружу нижним краем, которые Миллер принял за «наставки» на подсвечники³⁰ (в описи Мельгунова – «четыре столбика серебряных насеченных в верхушках золотом; еще четыре маленьких серебряных столбика; две штуки серебряных, наподобие столбиков»).

В число деталей табурета входят также пара гвоздей из серебра, плоские шляпки которых обтянуты золотой фольгой, украшенной прочеканенной восьмилепестковой розеткой³¹, и 23 железных гвоздя, шляпки которых украшены прочеканенной восьмилепестковой розеткой (в описи – «разные серебряные перержавелые мелкис отломки и гвоздники»).

6. Сорок бронзовых наконечников скифских стрел, в том числе двухлопастные овальные и овально-ромбические, трехлопастные с овальной головкой и длинной втулкой, трехлопастные с короткой втулкой и сводчатой головкой (в описи – «копейцов медных сорок один»). Первые два типа представлены как экземплярами с шилом, так и без него. Наконечники относятся к первой хронологической группе (по А.И. Мелюковой), т.е. датируются в пределах VII–VI вв. до н.э. Миллер поправил количественные характеристики в рапорте Мельгунова – один наконечник был сломан. Академик выбрал «к срисованию» лучшие экземпляры и пришел к выводу, что поскольку стрелы медные, то «употребление железа народу, сей курган здевавшему, не было еще известно»³², при

²⁴ Кисель. Шедевры ювелиров... С. 59, 128. № 19.

²⁵ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 508.

²⁶ Там же. С. 505.

²⁷ Ревский Д.С. К характеристике основных тенденций в истории скифского искусства // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сб. ст. Л., 1985. С. 30–31; Кисель. Шедевры ювелиров... С. 100.

²⁸ Кисель. Шедевры ювелиров... С. 61–63.

²⁹ Там же. С. 130. № 26–27.

³⁰ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 505.

³¹ Кисель. Шедевры ювелиров... С. 130. № 28–29.

³² [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 508.

этом сам себе противоречит: в его описании упомянут найденный в том же кургане железный меч, гвозди и т.п.

7. Обтянутая золотой фольгой бронзовая застежка от горита (колчана), концы которой оформлены в виде львиных голов. Она ближневосточной работы, но изготовлена по заказу кочевников и уверенно датируется VII в. до н.э.³³ (в описи – либо «две штучки золотых, по-видимому, с сагайдака [колчана. – И.Т.]», либо, как считал Е.М. Придик, «слиток небольшой серебряной, перерубленной надвое, один»).

8. «Золотое кольцо, толстое и не чисто сделанное. Оно чрезвычайно велико и носить на руке могло только человеком ростом большому и толстому, притом как снаружи, так и внутри, все кругло; чего ради носить бы его на перстах не способно. Оно тянет 6 золотников без 14 гран», – писал Г.Ф. Миллер³⁴ (в описи А.П. Мельгунова – «кольцо золотое толстое одно»). Это скорее всего наручный браслет весом почти 25.5 г.

Продолжив работу и углубившись ниже, рабочие ничего не нашли – «ни тела мертвого, ниже остатков онаго, здесь еще не видать было; были почти до основания кургана, пока нашли нечто подобного», – писал Г.Ф. Миллер³⁵. По его мнению, это свидетельствовало о том, что древний народ, насыпавший курган, при погребении практиковал трупосожжение – «выкапывали яму, которую деревом и другими горючими материями наполняли, клали туда мертвое тело, и может быть еще горючею материею покрывали, а наконец зажигали, и как все сгорело, то над ямою курган насыпали, и что за покойником на тот свет послать им разсудилось, то тут же закапывали». Миллер описывает «признаки пожара», где «растопленные металлы, перегорелые кости, камни, земля и глина, с угольями смешавшись лежали»³⁶. Таким образом, нижняя часть насыпи кургана, не доходя до уровня горизонта, включала лишь слои обожженной и ошлакованной земли с пеплом бело-серого и красноватого цвета и уголями. По мнению ряда исследователей, это остатки сожженной наземной деревянной гробницы³⁷. Однако в рапорте Мельгунова нет ни слова о каких-либо ее следах.

В Петербурге клад был помещен в Минц-кабинет Кунсткамеры³⁸. В своем исследовании Миллер опирался на рапорт Мельгунова, и, вероятно, на сведения, полученные от лица, присутствовавшего при раскопках и доставившего вещи в Петербург – либо самого Мельгунова, либо А. Ирмана, а также на собственный опыт, полученный во Второй Камчатской экспедиции и при изучении памятников Кунсткамеры (каталог вещей музея по распоряжению президента АН К.Г. Разумовского готовился в то время к печати).

Г.Ф. Миллер отметил сходство курганов Сибири и Новороссии и предположил, что большая их часть оставлена одним народом. При этом если сибирские и поволжские курганы он приписывал татарам, то курганы Юга России считал более древними. В своей статье академик фактически повторил рапорт А.П. Мельгунова о ходе раскопок и сделанных находках, сохранившийся в «Портфелях» ученого в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве³⁹. Исследуя найденные вещи, историк высказал предположение о принадлежности погребения «обитавшим издревле в сих

³³ Алексеев. Хронография Европейской Скифии... С. 116.

³⁴ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 504–505.

³⁵ Там же. С. 503.

³⁶ Там же. С. 503.

³⁷ Археология Украинской ССР. С. 67.

³⁸ Они размещались в первом шкафу под № 73: «Пакет с золотыми, серебряными и другими могильными вещами, найденными в прошлом 1763 году в Новороссийской губернии, и сообщенными в Кунсткамеру от бывшего там губернатора Алексея Петровича Мельгунова чрез профессора Миллера сентября 6 дня 1764 года, реестр приложен при журнале» (ПФА РАН. Р. III. Оп. 1. Д. 150. Л. 78об.).

³⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 150. Ч. 5. Д. 19. Л. 1–1 об. В 1872 г. Императорская археологическая комиссия запросила Московский главный архив МИД о наличии в портфелях Миллера рисунков древностей, найденных в 1763 г., но получила ответ об отсутствии таковых, копию описи вещей и отчета Мельгунова о раскопках кургана в Новой Сербии. Последний был впервые опубликован по копии, хранившейся в архиве Императорской археологической комиссии: Спицын А.А. Мельгуновский курган. С. 270–272. См. РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1872. Д. 13. Л. 4–7. Отчет Мельгунова переиздан мною по подлиннику из РГАДА: Тункина. Первый исследователь... С. 22–23.

странах уграм или венграм», основываясь на сходстве «ожерелья» (диадемы) с бытовавшими в XVIII в. украшениями у потомков финноугорских племен, т.е. датировал комплекс как минимум на две тысячи лет моложе. Это вполне объясняется новизной изучаемого памятника, неразработанностью проблематики, отсутствием каких-либо хронологических привязок и зачаточным уровнем развития археологии как науки в ту эпоху. Чтобы окончательно разъяснить этот вопрос, он призывал «рассмотреть» в будущем «большие могил», т.е. проводить раскопки и сравнительный анализ погребального обряда.

По догадке Г.Ф. Миллера, найденные древности изготовлены не местными племенами, каковыми он считал угров, а их торговыми партнерами – «персиянами», которые в свою очередь могли «доставать [товары. – И.Т.] через купечество... из других мест». Академик с удивительной интуицией уловил восточное влияние в произведениях древних мастеров. «Большие изъяснения имеют зависеть от будущих открытий», – писал Г.Ф. Миллер⁴⁰. Культурно-историческая принадлежность Мельгуновского клада была окончательно определена лишь век спустя, во второй половине XIX в., а споры о датировке комплекса ведутся до сего дня.

Известно, что Г.Ф. Миллер приказал одному из академических художников срисовать ряд особо интересных («знатнейших») вещей Мельгуновского клада «по их действительной величине», что и было сделано с использованием натуральных красок на двух таблицах. В своем исследовании академик ссылается на рисунки, которые остались неопубликованными. В начале XX в. их оригиналы находились у начальника Первого Отделения Эрмитажа Г.Е. Кизерицкого (1847–1903), но впоследствии затерялись. Попытки обнаружить их в архивах Санкт-Петербурга и Москвы пока не увенчались успехом. Содержание двух таблиц опубликовано Е.М. Придиком по найденному им списку. Описание вещей принадлежит Миллеру. На первой таблице были изображены:

1. Золотая цепочка весом 56 золотников;
2. Золотое кольцо, весом неуступно 6 золотников;
3. Медных блях, хищную птицу представляющих, числом 17;
- 4 и 5. Серебряные подсвечники, числом 4, весом 43 золотника;
6. Серебряные наставки на оных подсвечниках, числом 4, весом 43 золотника;
7. Наставки такие же, одна целая и несколько разломанных, весом 15 3/4 золотника».

На второй таблице были изображены:

1. Черен от кинжала железной, обит золотую бляхою, но большая часть сей бляхи отпала;
2. Ножны от помянутого кинжала, состоящие из золотой бляхи, которые наложены на дерево, чего ради их свесить не можно;
3. Двойная золотая бляха, на которой на обеих сторонах представляется олень лежащий, чеканенной работы, весом 14 1/2 золотников и с 10 гран;
4. Золотая бляха, которая, кажется, прежним ножнам принадлежала, весом 7 3/4 золотников;
- 5, 6 и 7. Разломанные золотые бляхи, которые, кажется, принадлежали вышеупомянутому черену и от оного отделились, весом 3/4 золотника;
8. Медных от стрел копейцов, числом до 40»⁴¹.

Из впервые опубликованного мною письма Г.Ф. Миллера А.П. Мельгунову⁴² выясняется, что по распоряжению академика с рисунков были сняты копии и отправлены вместе с описывающей находки статьей историка инициатору раскопок Литого кургана. Есть надежда, что копии рисунков могли сохраниться среди материалов А.П. Мельгунова в Государственном архиве Ярославской области. Скорее всего, рукопись Миллера с описанием сокровищ Литого кургана, представленная императрице Екатерине II, также

⁴⁰ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 509, 514.

⁴¹ Придик. Мельгуновский клад 1763 года. С. 3. Прим. 6.

⁴² ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 306/56. Л. 1–1 об. На франц. яз., впервые опубли. в русском переводе: Тункина. Первый исследователь... С. 23–24.

была иллюстрирована рисунками (последние могут храниться в составе Эрмитажного собрания в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки или РГАДА). Эти до сих пор не найденные рисунки, являющиеся частью «Нарисованного музея» Петербургской Академии наук⁴³, смогут окончательно уточнить состав комплекса Мельгуновского клада.

Именно с раскопками Литого кургана связывают рождение отдельной отрасли археологической науки – скифологии. В 1763 г. было открыто захоронение, относящееся к эпохе скифских походов в Переднюю Азию VII в. до н.э. Литой курган стоит в ряду памятников скифской архаики, связывающих район Приднепровья с Северным Кавказом (курганы Филатовка, Темир-Гора, Келермес)⁴⁴. Вещи комплекса содержат два основных культурных индикатора «скифской триады» архаической скифской культуры – оружие и художественный стиль. Единственная отсутствующая деталь – конское снаряжение, однако погребение лошадей, по мнению М.И. Артамонова, скорее всего, осталось просто не обнаружено при раскопках⁴⁵.

Литой курган доследовали дважды: в 1894 г. – В.Н. Ястребов и в 1990 г. – Н.М. Бокий. В ходе раскопок установлено, что памятник был устроен на снивелированной насыпи погребального сооружения эпохи бронзы⁴⁶. В 1990 г. в кургане был обнаружен «ров, который опоясывал насыпь сплошным кольцом, причем с западной стороны имелась перемычка (шириной 2.2 м). Ров имел на различных участках различное сечение, ширину и глубину (оба параметра – до 3.5 м). У перемычки на дне рва найдены конские черепа, человеческие кости, в том числе череп, скелет собаки, изделия из камня, обломок стенок сосуда эпохи бронзы, обломки амфор»⁴⁷. Более подробная информация о раскопках 1990 г., к сожалению, отсутствует.

По мнению В.А. Киселя, Литой курган мог являться храмово-погребально-поминальным комплексом, связанным с культом огня, либо, что более вероятно, курганом-кеностафом. Последнюю версию отстаивает Н.М. Бокий: «Легко предположить гибель царя (или вождя) во время похода, возвращение его соратников в Причерноморье и совершение памятного ритуала. Можно обосновать использование готовой уже насыпи тем, что речь шла о захоронении не самого царя, а лишь царского реквизита, но поскольку все-таки особы высокого социального ранга, то и курган для ритуального действия был выбран, по-видимому, изначально высокий»⁴⁸. Богатый инвентарь Литого кургана с предметами восточной торевтики, по степени престижности сопоставимый с инвентарем царских скифских курганов, мог служить ценным жертвенным даром богам скифского пантеона⁴⁹. Этот вывод согласуется с данными из рапорта А.П. Мельгунова: «Не доходя глубиной противу окольного горизонта, везде оказалось слоями белая, похоже на пепел и перегорелая, красноватая з глиной земля. Уголья как бы печью накладенное кучю множественное число глыб, крупных и мелких слитков разные мер и фигур. Так же, как бывает выга в горну, где железо делается, а прокопав до самого окольного горизонта и глубже; во всей горе не черная земля, но по большей части таковая глина найдена, какова во всех тамошних местах под черною землею бывает, а несколько и другога свойства, ис чего примечается, что при делании таковых курганов наперед вырыта яма, а потом нанося могилу черною землею пакия покрыто»⁵⁰. Миллер также пишет о доставленных в Петербург «некоторых перегорелых глыбах, от згоревших костей мертвого тела

⁴³ «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / Сост. и науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д.И. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. Т. 1–2. СПб., 2003–2004; The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg 1725–1760. Introduction and Interpretation / Ed. R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. Amsterdam, 2005.

⁴⁴ Алексеев. Хронография Европейской Скифии... С. 109, 160.

⁴⁵ Артамонов. Сокровища скифских курганов... С. 18.

⁴⁶ Бокий Н.М. Мельгуновский курган – исследование и версии // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Междунар. конф., посв. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992. С. 13–14.

⁴⁷ Там же. С. 14.

⁴⁸ Там же. С. 13.

⁴⁹ Кисель. Шедевры ювелиров... С. 24–27.

⁵⁰ Тункина. Первый исследователь... С. 23.

произшедших, что как по их запаху, так и по свежаватому цвету узнавается. Ибо... кости в пережигании при некотором известном градусе огня становятся синими и что сей цвет при сильнейшем огне опять теряют... При том же есть и несколько кусков чистой боларной земли, которая по виду в огне не была»⁵¹.

Почти век спустя по повелению императора Александра II сибирские древности Кунсткамеры, вместе с которыми хранился и Мельгуновский клад, 12 декабря 1859 г. были выставлены для царя в Имп. Эрмитаже⁵². Однако клад экспонировался не в полном составе – императору показали отдельные вещи по выбору председателя Имп. Археологической комиссии графа С.Г. Строганова: «Ножны от акинака, диадему и четыре «подсвечника»». Александр II повелел присоединить Сибирскую коллекцию Нумизматического кабинета АН к коллекции Имп. Эрмитажа. Взамен Академия наук в течение 10 лет получала ежегодную субсидию в 2 тыс. руб. серебром из Кабинета Его Императорского Величества «на издание творения полезного по выбору Академии». Остальная часть Мельгуновского клада оставалась в АН вплоть до упразднения Музея классической археологии при АН в 1894 г., когда это собрание было передано в Имп. Эрмитаж⁵³. По указу императора Александра III в вознаграждение за эти коллекции Академии «было назначено... для причисления ее к социальным средствам 15969 руб., с уплатою в течение первых семи лет по 2 тыс. руб., а в восьмой год 1969 руб.»⁵⁴.

Вплоть до начала XX в., когда состав комплекса попытался реконструировать Е.М. Придик, находки из Мельгуновского клада хранились разрозненно: лишь три памятника – ножны от меча, диадема и бляхи в виде птиц – были выставлены в Никопольском зале Эрмитажа. На основании суммарных описаний А.П. Мельгунова и Г.Ф. Миллера, которые, однако, не оставили сведений о мелких вещах, Е.М. Придик атрибутировал ряд из них (некоторые – предположительно) как принадлежащие комплексу Литого кургана. Так, Мельгунов упоминает «двадцать шесть золотых ломаных мелких штукечек», «разные серебряные перержавелые мелкие отломки и гвоздников», «обратившиеся в слитки финифтные или каменные вещицы», а Миллер обобщенно говорит о ряде предметов, которые «срисования не достойными показались». Это «1. Разные мелочи из золота весом 11 3/4 золотника [свыше 47 г. – *И.Т.*]; 2. Разные серебряные кусочки, кои, кажется, в огне были, и весьма ломки, а не растопились, весом 12 1/2 и 1/8 золотника [53.3 г и 0.5 г. – *И.Т.*]; 4. Две медные вещи заржавелые, и в некоторых местах позолоченные»⁵⁵.

Примечательно, что вес обломков, указанный Г.Ф. Миллером, почти вдвое больше вещей, попавших в Эрмитаж⁵⁶, что свидетельствует либо об определенных утратах в составе комплекса при его передаче из одного собрания в другое (достоверно известно лишь о пропаже «золотого кольца», вероятно браслета), либо о потере веса при очистке древностей от грязи и окислов в процессе реставраций XVIII–XIX вв.

К сожалению, большинство памятников Мельгуновского клада в 1932 г. было передано Эрмитажем в Паритетную комиссию и попало в музеи тогдашней столицы Украины – Харькова, где в годы Второй мировой войны они были утрачены⁵⁷. Несмотря на

⁵¹ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 509.

⁵² РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 4. Л. 1–31. О передаче в Эрмитаж некоторых древностей, хранящихся в Нумизматическом кабинете АН. 1859–1860 гг. (включает донесение Л.Э. Стефани (л. 8–14) о древностях Кунсткамеры и описи вещей); Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 10. Л. 1–34. О представлении на высочайшее воззрение древних вещей и о передаче их в Имп. Эрмитаж. 1859–1863 гг.; Ф. 1. Оп. 1–1862. Д. 10. Л. 1–11. О снятии рисунков сибирских древностей, переданных из АН в Эрмитаж. 1862–1867 гг.; АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 53. О сибирских древностях, переданных из АН в Эрмитаж. 1859–1860 гг.

⁵³ Придик. Мельгуновский клад 1763 г. С. 3.

⁵⁴ ПФА РАН. Р. IV. Оп. 6. Д. 86. Л. 2. 4.

⁵⁵ [Миллер.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 508.

⁵⁶ Придик. Мельгуновский клад 1763 г. С. 4, 16. Прим. 32.

⁵⁷ Артамонов. Сокровища скифских курганов... С. 55. Прим. 1; Смирнова Г.И. Отдел археологии // Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С. 237. Прим. 1; Кисель. Шедевры ювелиров... С. 125. № 9.

многочисленные войны и революции, часть сокровищ Мельгуновского клада сохранилась и ныне украшает Золотую кладовую Галереи драгоценностей Государственного Эрмитажа. Это меч в золотых ножнах, золотая диадема, золотая пластинка с обезьяной и птицами, одна серебряная ножка, две серебряные «трубочки», серебряные гвоздики, семь из сорока наконечников стрел.

В исследованиях ученых XX в. оценки информативности раскопок 1763 г. прямо противоположны, причем преобладают обвинения в полной их ненаучности с методической точки зрения⁵⁸. Напротив, А.В. Арциховский счел их вполне научными, так как «слои были промерены и описаны, сделан ряд наблюдений»⁵⁹. Мне представляется, что истина лежит посередине. Археологии как науки в России XVIII в. еще не существовало. Ученые Петербургской АН, в частности Г.Ф. Миллер, во время экспедиций по разным провинциям Российского государства шаг за шагом пытались выработать методику полевой и кабинетной работы и на уровне знаний своего века интерпретировать найденные древности. Для сравнения укажем, что раскопки Литого кургана были проведены под руководством администратора, а не ученого, хотя факт наличия рапорта о работах примечателен сам по себе. Раскопки, проводившиеся в первой половине XVIII в. сибирскими наместниками, не имеют какой-либо документации вообще, и золото Сибирской коллекции Петра I, в отличие от комплекса Мельгуновского клада, остается беспаспортным⁶⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Г.Ф. Миллера А.П. Мельгунову от 8 мая (ст. ст.) 1764 г.⁶¹

Monsieur

Je crains de facher Votre Excellence si en attendant le ponz⁶² je differe plus longtems de vous présenter ma description de ces précieuses⁶³ antiquités sepulcrales que Vous avés eû la grace de me communiquer. Il est vrai que j'aurois fort souhaité de Vous la presenter moi même. Mais puisque cela ne se peut pas, je prie Votre Excellence de la recevoir ci jointe.

Elle sera⁶⁴ suivi bien tot⁶⁵ d'une traduction en Russe. Comme je me rapporte dans cette pièce⁶⁶ sur des desseins qu'on a fait de ces antiquités, j'ai crû devoir⁶⁷ y en⁶⁸ ajouter une copie. Les antiquités même pourront, ce semble, être remises le⁶⁹ plus commodement à la personne qui me les a apportées, ou à telle⁷⁰ autre qu'il plaira à votre Excellence de m'envoyer.

⁵⁸ Артамонов. Сокровища скифских курганов... С. 18; Степи Европейской части СССР... С. 54.

⁵⁹ Арциховский А.В. Археология (развитие археологии и этнографии до середины XIX в.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. С. 526.

⁶⁰ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 36–37. См. также *Tunkina I.V. The Formation of a Russian Science of Classical Antiquities of Southern Russia in the 18th and Early 19th Century // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of His 70th Birthday / Ed. by P.G. Bilde, J. Munk Højte and V.F. Stolba. Aarhus University Press, 2003. Black Sea Studies. Vol. 1. Danish National Research Foundation's Centre for Black Sea Studies. P. 303–364.*

⁶¹ Реконструкция французского текста и перевод Н.Л. Сухачева, Институт лингвистических исследований РАН.

⁶² Вероятно, это *ponce* «калька, копия».

⁶³ В ориг. *des* исправлено на *de*, а *ces précieuses* надписано сверху.

⁶⁴ Надписано над зачеркн. *Je la ferai*.

⁶⁵ Следует зачеркн. *par*.

⁶⁶ Вписано на левом поле между строчками вместо зачеркн. *description*.

⁶⁷ Следует зачеркн. *les*.

⁶⁸ Надписано сверху.

⁶⁹ Вписано сверху.

⁷⁰ Надписано над зачеркн. *quelque*.

J'ai l'honneur d'être avec infiniment de respêt

Monsiuer
de Votre Excellence

ce 8 Mai
1764

le très humble et très
obeissant serviteur
Müller

Его Превосходительству Генерал-лейтенанту Мельгунову

Месье,

Боюсь разгневать Ваше Превосходительство, если в ожидании копии я еще помедлю представить вам свое описание этих ценных погребальных древностей, которые Вы имели любезность мне передать. Правда, я бы очень желал представить Вам его лично. Но коль этого нельзя, прошу Ваше Превосходительство принять прилагаемое при сем.

К нему вскоре последует русский перевод. Так как в этой работе я ссылаюсь на рисунки, сделанные с этих древностей, я счел себя обязанным приложить к ней их копию. Сами древности могли бы, кажется, лучше всего быть возвращены лицу, которое мне их доставило, или кому-то другому, кого будет угодно Вашему Превосходительству ко мне прислать.

Имею честь пребывать с глубочайшим уважением, Месье,
Вашего Превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Мюллер

Сего 8 мая 1764 г.⁷¹

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 306/56. Л. 11–1об. Отпуск. Автограф Г.Ф. Миллера на франц. яз.

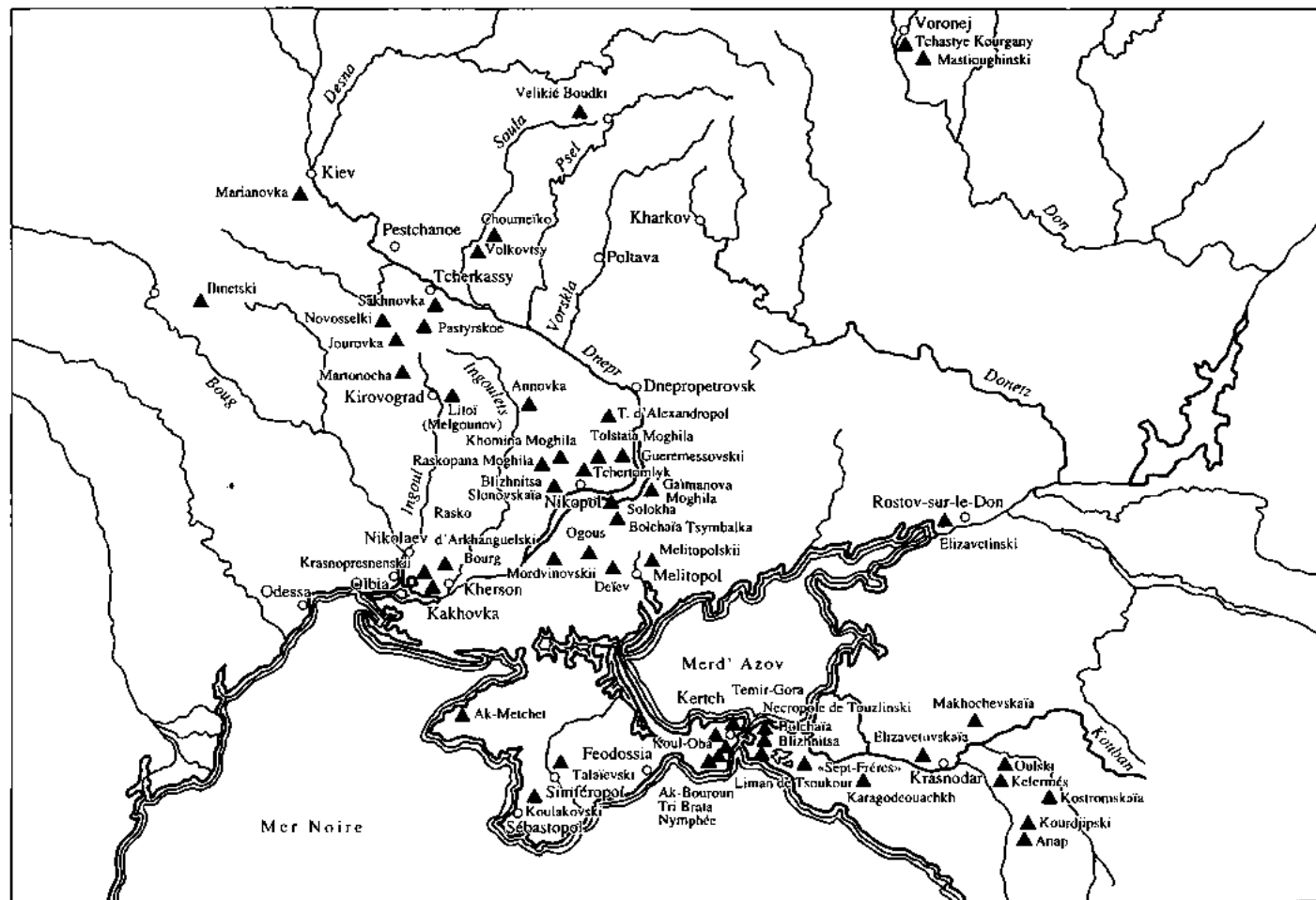

Рис. 1. Карта скифских курганов Северного Причерноморья (по Л. Галановой и Н. Грачу). См. L'art Scythe: Les antiquités Scythes au milieu du VIIe-IIIe siècle avant notre ère / Introduction de В. Piotrovski, realization, texts et commentaires de L. Galanina et N. Gratch. Léningrad, 1986. P. 10-11

Рис. 2. Комплекс Литого кургана (по Е.М. Придику, табл. 1): рукоять меча, серебряные обломки, четыре серебряных «столбика», четыре маленьких «столбика», круглые серебряные цилиндрики, сорок наконечников стрел, двадцать три гвоздя и бронзовая палочка. См. Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. ...

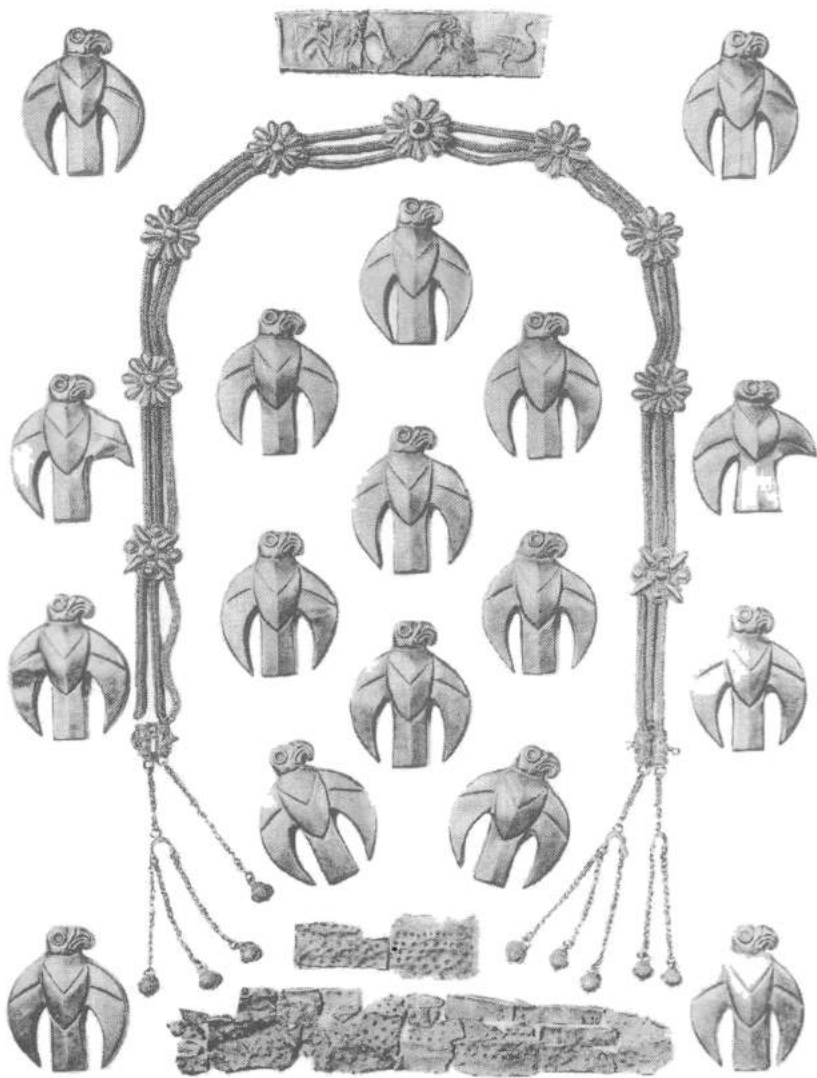

Рис. 3. Комплекс Литого кургана (по Е.М. Придику, табл. 2): диадема, золотая пластинка, золотые обломки, семнадцать птиц

Рис. 4. Комплекс Литого кургана (по Е.М. Придику, табл. 3): 1 – лицевая сторона ножен с выступом (с. 7 сл.); 2 – нижняя сердцевидная часть рукоятки меча; 3 – золотая пластинка

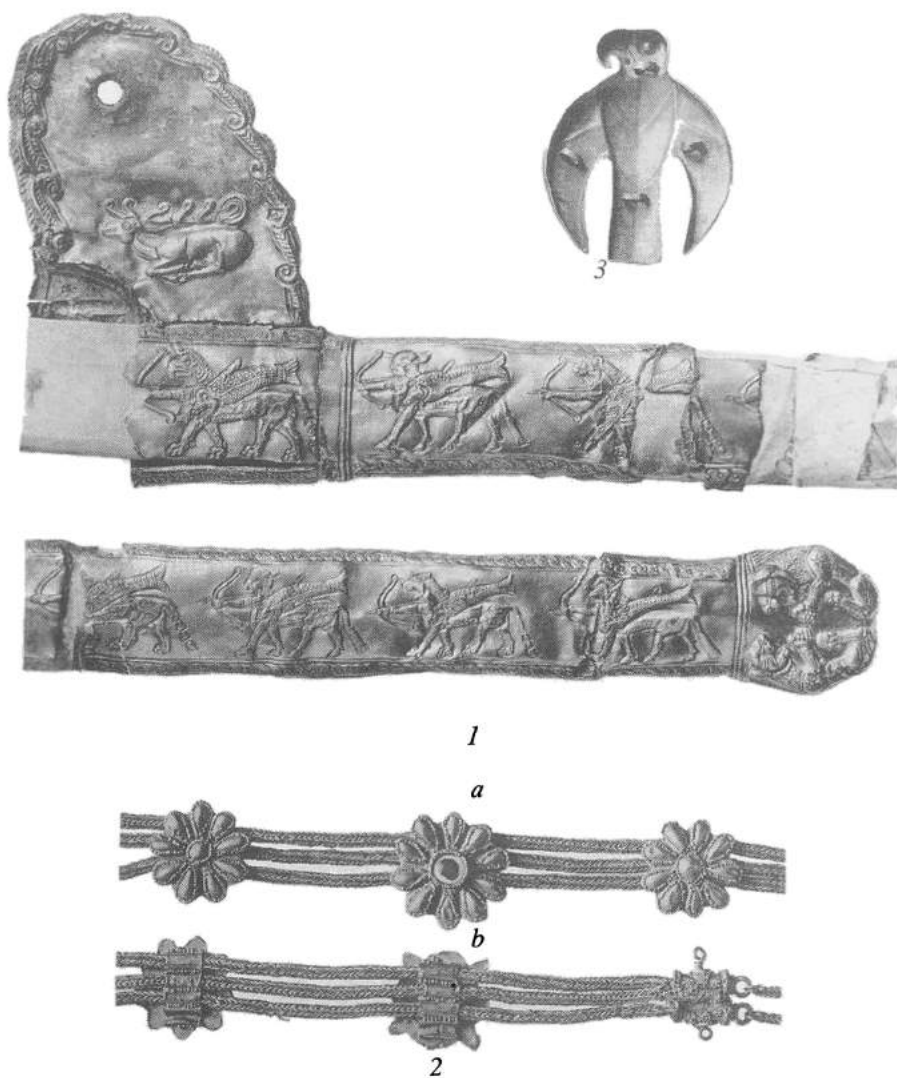

Рис. 5. Комплекс Литово кургана (по Е.М. Придику, табл. 4): 1 – оборотная сторона ножен с выступом; 2 – детали диадемы: а) середина ее с лицевой стороны; б) конец ее с оборотной стороны; 3 – птица с оборотной стороны

Рис. 6. Деталь золотой обкладки перекрестья рукояти меча с рельефной фигурой лежащего козла, оборотная сторона золотой бляхи в виде хищной птицы. НА ИИМК РАН, ф/о. Нег. II-27845

Рис. 7. Золотая обкладка ножен меча, вид с обеих сторон. НА ИИМК РАН, ф/о. Нег. III-9011

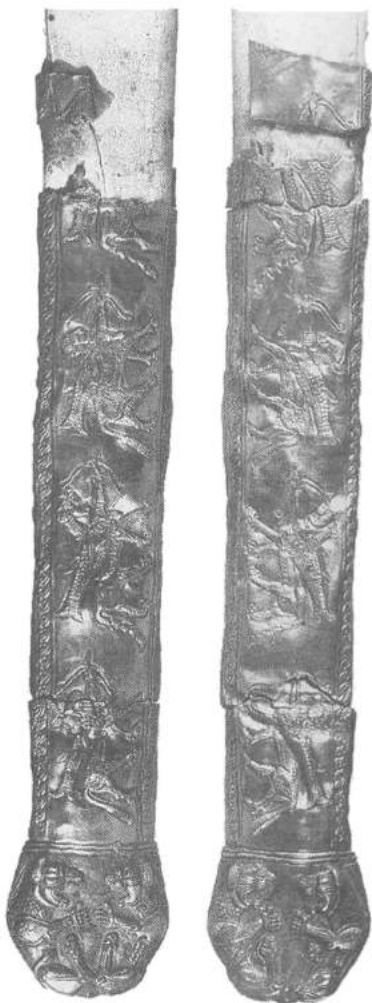

Рис. 8. Золотая обкладка ножен меча, нижняя часть и бутероль, вид с обеих сторон. НА ИИМК РАН, ф/о. Нег. III-9205

Рис. 9. Золотая обкладка ножен меча, деталь – верхняя часть с выступом. НА ИИМК РАН, ф/о. Нег. II-9203

Рис. 10. Золотая обкладка ножен меча, деталь – верхняя часть с выступом, вид с другой стороны. НА ИИМК РАН, ф/о. Нег. III-9204

Рис. 11. Деталь золотой обкладки ножен меча. Сердцевидное расширение на верхнем конце с композицией, представляющей двух гениев по сторонам древа жизни (по М.И. Артамонову)

Рис. 12. Деталь золотой обкладки ножен меча. Фигуры фантастических существ (по М.И. Артамонову)

Рис. 13. Детали золотой диадемы с лицевой и оборотной сторон, золотая пластина с изображением обезьяны и птиц. НА ИИМК РАН, ф/о. Нег. П-27465

Рис. 14. Золотая бляха в виде хищной птицы (по Л. Галаниной и Н. Грач)

Рис. 15. Наконечник ножки дворцового табурета для ног. Серебро, золото (по Л. Галаниной и Н. Грач)

THE TREASURES OF THE LIToy KURGAN
AND ACADEMICIAN G.F. MILLER

I. V. Tunkina

The burial mound of Litoy Kurgan (30 miles from the Fort Saint Elizabeth, now Kirovograd in Ukraine) was excavated in 1763 by order of Lieutenant-General A.P. Melgounov. It included an early Scythian complex with gold and silver artifacts: specimens of oriental toreutic art and objects manufactured in the traditions of Scythian «animal» style, their prestige being comparable with the inventory of Scythian royal kurgans. The finds were submitted to Empress Catherine II, who ordered that they should be inventoried by G.F. Miller (1705–1783) and preserved in the *Kunstkamera* (Cabinet of Curiosities) of St Petersburg Academy of Sciences. A century later the treasure was transferred to the Hermitage. The author attempts a reconstruction of the Litoy Kurgan complex on the basis of archive documents and publications of the 18th–21st centuries and discusses modern interpretations and dating of the objects found there, which were partly transferred from the Hermitage to Kharkov Museum in 1932 and perished during the World War II. The excavation of the Litoy Kurgan was duly considered to be connected with the development of scythology into a special field of archaeological research. This kurgan ranks with the archaic Scythian monuments connecting the Dnieper Area with the Northern Caucasus. It could be a cenotaph dating from the period of Scythian invasions of Near East, probably from the 2nd half of the 7th century BC.